

RENOVATIO SYSTEMATUM – RENOVATIO COGNITIONIS¹ СПАТИОГЕНЕЗ: ОТ РЕКОНСТРУКЦИИ ОТНОШЕНИЙ К ВОССОЗДАНИЮ СЛОЖНОСТИ

Завершение Года литературы в России для редактора и издателя с неизбежностью означает обращение к метафоре книги. Книги – это мир, отраженный в зеркале, утверждал Ж.-П. Сартр, вторя Стендалю, его знаменитому «роман – это зеркало, с которым идешь по большой дороге». Однако с того времени, как человечество получило возможность сохранять в книгах познанное, справедливо и обратное: мир, согласно Августину Блаженному, есть книга.

В книгах-мирах – и, шире, в текстах-мирах – человек ищет – и находит – модели и образцы отношений с окружающим миром-книгой, а значит, модели и образцы знания об устройстве этого мира и власти над ним. В эпоху пре-модерна² – это модели и образцы сакрального знания, легитимирующего власть – иерархические лестницы между небесным/сакральным и земным/профанным – будь то Древо Мира, каменные уступы Олимпа гомеровской «Илиады» или лестница Иакова Книги Бытия, – сакральный локус-холм (или очаг), отмеченный «божественным присутствием» и окруженный профанной периферией. В эпоху модерна³ – это как идеальные политические структуры-топосы – города (а также государства и их союзы) – храмы и средоточие сотворившего и легитимировавшего их человеческого Разума, от Города Солнца Кампанеллы до фаланстеров Фурье и кантианского мирного союза (*foedus pacificum*) республиканских государств, так и их прямая противоположность – от миров Джонатана Свифта до кафкианского Замка. В эпоху постмодерна – это те же топосы, некогда бывшие лестницами и храмами, но лишённые своими создателями и этого качества, и самой структурной – системной – организации, а с ней и «пространственности», т.е. наличия *отношений* между элементами структур и между ними и средой, – и *сложности* как свойства жизнеспособных систем⁴ («*Пространство и время в археологии. Часть 7. От археологии классической — к мультидисциплинарной*» доктора технических наук С.Н. Гринченко и доктора исторических наук Ю.Л. Шаповой).

Топосы постмодерна, равно оставленные и богами, и разумом, детерриторизированы – и неспособны территоризироваться, поскольку лишены своими создателями свойственной социо- и культурогенезу центрально-периферической (да и какой-либо иной) организации⁵ (а, значит, и соответствующих, в т.ч. когнитивных, функций – делёзовское «тело без органов»⁶ именно в силу отсутствия таковых лишено возможности осуществления любых функций и отношений, кроме захвата). Перестав, таким образом, быть центрами пространства, они либо сжались до отдельных пребывающих в перманентном «броуновском движении» персонажей – «молекул»-«не-субъектов» (как у М. Павича), либо разрастаются, подобно метастазам, до гигантских «ризом» (как у Ж. Делёза и Ф. Гваттари), способных (с точки зрения их создателей) к альянсу (а точнее, к захвату), но не способных к бытию ни в пространстве, ни во времени (а, значит, к социальной, когнитивной и культурной преемственности) и прямо отрицающих таковое:

«Никаких справедливых идей, только одна идея!... Обладайте кратковременными идеями. <...> Дерево – это преемственность, а ризома – альянс, только альянс. Дерево навязывает глагол «быть», а ризома соткана из

¹ Возобновление систем – возобновление познания (лат.).

² О характерных для динамики «пре-модерн – модерн – постмодерн» (взаимо)обусловленных знанием (эпистемических) модусах функционирования политических элит «знаю и действую» / «знаю и не действую» (пре-модерн), «не знаю и действую» / «не знаю и не действую» (модерн) и «не желаю знать и действую» / «не желаю знать и не действую» (постмодерн) и соответствующих им (алетическим) модусам управленческого решения – необходимого (пре-модерн), возможного (модерн) и случайного (постмодерн) подробнее см.: Тынянова О.Н. Власть и знание: к топологии «других пространств» // *Пространство и Время*. 2014. № 4(18). С. 10–13; Она же. Апология аргумента *ad hominem* // *Пространство и Время*. 2015. № 1–2(19–20). С. 11–15.

³ Временные рамки модерна нами принимаются по С. Тулмину и П. Осборну: середина XV в. – 1789 – ранний модерн, 1789–1900 – классический модерн, 1900–1989 – поздний модерн (Toulmin S. *Cosmopolis: The Hidden Agenda of Modernity*. Chicago: University of Chicago Press, 1992, pp. 3–5; Osborne P. "Modernity Is a Qualitative, not a Chronological, Category." *New Left Review* 192.1 (1992): 65–84).

⁴ См. также: Докторович А.Б. Разнообразие и сложность жизнеспособной системы // *Пространство и Время*. 2015. № 3(21). С. 86–91. Здесь и далее в качестве сложных будут пониматься высокоорганизованные многоэлементные системы.

⁵ Подробнее об этом см.: Сараф М.Я. Ризомизация культурного пространства как показатель кризисности его состояния // *Пространство и Время*. 2014. № 1(15). С. 74–77.

⁶ Deleuze G., Guattari F. "Introduction: Rhizome." *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987, pp. 3–28. На русском языке см.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Ризома. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.com/doc184482549_189854454?hash=fad6578b6e212adfe0&dl=98694f379ecda7539e.

конъюнкций “и... и... и...”. В этой конъюнкции достаточно силы, чтобы растряссти и искоренить глагол «быть». Кто мы? Откуда мы? Куда мы идем? – вот самые бесполезные вопросы. ...искать начало или основание – все это предполагает ложную концепцию путешествия и движения (методика, педагогика, инициация, символика...)»¹.

Но мировоззренческая установка, связывающая онтологию и когницию (независимо от формы концептуализации этой связи, будь то парменидовское «мыслить и быть – одно и то же», картезианское *cogito ergo sum* или, по С.Л. Франку, *sum ergo cogito*²), – все же черта, присущая отнюдь не исключительно античности и модерну, но, по-видимому, всей эволюции *homo sapiens* (упомянутая статья С.Н. Гринченко и Ю.Л. Шаповой), ее неотъемлемое свойство. Между тем, как уже отмечалось ранее³, если модерн полагал, что

«...поскольку невозможно, чтобы из ничто могло возникнуть нечто, все, что существует, должно иметь достаточное основание, почему оно существует, то есть всегда должно быть нечто, из чего можно понять, почему оно может стать действительным [курсив мой – О.Т.]»⁴,

то пост-модерн и его политический класс в достаточном основании (и в каком-либо ином основании как таковом) не нуждаются: «искать начало или основание – все это предполагает ложную концепцию путешествия и движения» (Ж. Делёз, Ф. Гваттари). И здесь мы имеем дело отнюдь не с эволюцией (аналогом) ницшеанского нигилизма, когнитивистского по своей природе⁵, и даже не с «проваливанием в ничто» в отсутствии бытия знания целостности «воспринятого восприятия» (по Ж.-П. Сартру)⁶, но, фактически, с тотальной деспатриализацией, разрушением пространства знания и – как следствие – всех социальных полей, «проваливающихся» в этом случае уже не в сартровское, но в хайдеггеровское Ничто⁷. Так делёзовская ризома – а с ней и все ризомы и деконструкции постмодерна, «искореняющие глагол “быть”», претендуя на пространственный модус «везде», закрепляют в поле политики, функционирующем в логике «не желаю знать и действую» / «не желаю знать и не действую» (а также во всех контролируемых им прочих полях), пространственный модус «нигде». В терминах организационной сложности это может быть описано как существенное снижение уровня организации, чреватое уже не просто атомизацией общества, но распадением – «некрозом» и перерождением – всей социальной ткани («Закат ЕС: лицемерие и реалии 2015 года» доктора политических наук О.Н. Барабанова).

Социальные катаклизмы, демонстрирующие подобное распадение и являющиеся его следствием, имеют выраженную тенденцию к нарастанию, и поскольку альтернативой поиску принципиально иной философской модели мира и принципиально иного модуса функционирования поля власти в нем оказывается коллективное цивилизационное самоубийство (упомянутая статья О.Н. Барабанова), восстанавливать пространственность – реконструировать системность взаимодействий и отношений, наращивать их структурную сложность – все равно придется. А значит, придется возвращаться на путь ответа на

¹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Указ соч.

² «Русскому духу путь от "cogito" к "sum" всегда представляется абсолютно искусственным; истинный путь для него ведет, напротив, от "sum" к "cogito". То, что непосредственно очевидно, не должно быть вначале проявлено и осмыслено через что-то иное; только то, что основывается на самом себе и проявляет себя через себя самое, и есть бытие как таковое. Бытие дано не посредством сознания и не как его предметное содержание; напротив, поскольку наше "я", наше сознание есть не что иное, как проявление, так сказать, ответвление бытия как такового, то это бытие и выражает себя в нас совершенно непосредственно. Нет необходимости прежде что-то "познать", осуществить познание, чтобы проникнуть в бытие; напротив, чтобы что-то познать, необходимо сначала уже быть. Именно через это совершенно непосредственное и первичное бытие и постижимо, наконец, всякое бытие. Можно также сказать, что в конечном счете человек познает постольку, поскольку он сам есть, что он постигает бытие не только идеальным образом через познание и мышление, а прежде всего он должен реальнее укорениться в бытии, чтобы это постижение вообще стало возможным. Отсюда следует, что уже рассмотренное нами понятие жизненного опыта как основы знания связано с онтологизмом. Ибо жизнь есть именно реальная связь между "я" и бытием, в то время как "мышление" – лишь идеальная связь между ними» (Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 169–170).

³ Тынянова О.Н. Апология аргумента *ad hominem*.

⁴ Вольф Х. Разумные мысли о Боге, мире и душе человека, а также о всех вещах вообще, сообщенные любителям истины Христианом Вольфом // Христиан Вольф и философия в России / Под ред. В.А. Жучкова. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 2001. С. 242.

⁵ «Ибо почему появление нигилизма в данное время необходимо? Потому, что все наши бывшие до сих пор в ходу ценности сами находят в нем свой последний вывод; потому, что нигилизм есть до конца продуманная логика наших великих ценностей и идеалов; потому, что нам нужно сначала пережить нигилизм, чтобы убедиться в том, какова в сущности была ценность этих “ценностей”... Нам нужно когда-нибудь найти новые ценности...» (Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М.: REFL-book, 1994, С. 34).

⁶ «Если всякая метафизика в действительности предполагает теорию познания, то и в свою очередь, любая теория познания, предполагает метафизику. Это означает, помимо всего остального, что идеализм, стремящийся свести бытие к знанию, которое о нем есть, должен прежде каким-то образом удостовериться в бытии этого знания. Если, напротив, сначала полагают знание как некую данность, не заботясь о том, чтобы установить его бытие, и если потом утверждают, что *esse est percipi*, то целостность “воспринятого восприятия” за отсутствием твердого бытия как опоры проваливается в ничто» (Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии [Электронный ресурс] / Пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000. Режим доступа: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/sartr03>).

⁷ Тынянова О.Н. От незнания к несуществованию: об одной мировоззренческой установке в Новое время // Мир психологии. 2013. № 3. С. 223–231.

вопросы «Кто мы? Откуда мы? Куда мы идем?», искать начала и основания, возвращаться к бездумно и опрометчиво отброшенной концепции путешествия и движения (методике, педагогике, инициации, символик) – возвращаться на путь когниции.

Взаимосвязь когнитивных процессов и сложности описана¹ – представляется, однако, возможным говорить об обусловленности знанием не только (эпистемических) модусов бытования поля политики, но и социального пространства в целом, и, по-видимому, всего множества описывающих его состояние потенциалов – в том смысле, в каком Ф. Бэкон утверждал: «Мы можем столько, сколько знаем». Таким образом, в силу «когнитивной связи субъекта и среды» (Д. Дзоло), процессом когнитогенеза определяются и собственно спатиогенез², и самая возможность производства пространства (А. Лефевр), и жизнеспособность организующих пространство центров – человека как социального агента и создаваемых им социальных институтов, а с ними и культуры, и собственно системы Человечества (упомянутая статья С.Н. Гринченко и Ю.Л. Щаповой).

Когнитогенез (гносеологически) детерминирует спатиогенез – в этом смысле каждая подлинно научная (и подлинно художественная) книга или статья восстанавливают разрушенные / утраченные и создают новые системные – пространственные! – взаимосвязи, а с ними и новые уровни сложности, повышая тем самым жизнеспособность человека и производимых им пространств – вплоть до бессмертия как вторых, так и первого («Философские основания проекта “общего дела” Н.Ф. Фёдорова» доктора философских наук С.В. Корнилова; «Феномен Итигэлова и проблема исследования фундаментальных и прикладных свойств Пространства-Времени. Часть 2. Закон природы и феномен Итигэлова на едином языке пространственно-временных величин» доктора технических наук Б.Е. Большакова; «Виноградский С.Н. Летопись нашей жизни / Архив РАН, Институт микробиологии им. С.Н. Виноградского РАН; Редкол.: Афиани В.Ю., Гальченко В.Ф., Пименов Н.В. и др.; Коммент. и сост. Колотилова Н.Н., Савина Г.А. — М.: МАКС Пресс, 2013. — 808 с.» доктора биологических наук Ю.А. Мазинга; «Белорусская культура в контексте современного социокультурного пространства: сложность исторического пути развития» доктора философских наук Я.С. Яскевич).

Представляется, что, говоря о детерминировании когнитогенезом спатиогенеза, можно выделить по меньшей мере три уровня последнего – и показательно, что как сами статьи очередного выпуска журнала «Пространство и Время», так и (в ряде случаев) предмет этих статей позволяют со всей наглядностью увидеть каждый уровень «производства пространства» (и сложности) посредством познания.

Уровень первый составляют:

а) субъект-объектные взаимодействия и отношения, формирующие первичные представления об объектах первой и второй природы, закономерностях их развития и возможных взаимосвязях (и, тем самым, образующие центры когнитивного пространства, а также содержательную основу полей науки и образования) («Некоторые технические, социальные и геополитические аспекты криогенных природных процессов в циркулярной криолитозоне. Часть I» кандидата физико-математических наук С.Г. Геворкяна; «Динамика вызовов скорой помощи в 10 округах Москвы» академика РАН В.А. Черешнева, доктора физико-математических наук А.Г. Гамбурцева, А.В. Сигачёва и кандидата физико-математических наук Н.Г. Гамбурцевой; «Хрономатематика. “Космический фактор” в медицинской статистике в эпоху 23-го цикла солнечной активности» Ю.К. Костоглодова; «Сигнальная роль эмоций в интуитивной деятельности» доктора биологических наук П.Е. Григорьева, кандидата психологических наук И.В. Васильевой; «Аномально теплый декабрь аномально теплого 2015 года в Северном полушарии» доктора геолого-минералогических наук В.Л. Сывороткина; «ИГИЛ: камень преткновения коалиционных сил Запада» доктора философских наук И.И. Антоновича; «Специ-

¹ «...итальянский социолог Д. Дзоло... отмечает, что использует термин сложность не в противопоставлении сложного простому и не для описания объективных свойств естественных или социальных явлений, а, скорее, “этот термин отсылает к когнитивным ситуациям. ...Возникает потребность в рефлексивной эпистемологии, основанной на признании когнитивной взаимосвязи субъекта и среды” [2, с. 31–32]. Здесь сложность выявляется особым способом мышления о бытии – сложным мышлением. В этом случае исходным является положение, согласно которому в природе не существует чисто простых и чисто сложных объектов, сложность выявляется познанием» (Черникова И.В. Онтология и эпистемология сложности // Гуманитарный вектор. 2013. № 2 (34). С. 93; в тексте цитируется работа Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. М.: Высшая школа экономики, 2010 – оригинал: Zolo D. *Democracy and Complexity: A Realist Approach*. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1992). См. также: Черникова И. В., Черникова Д. В. Когнитивные аспекты сложности // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4. Вып. 1. С. 91–98; Reeves W.W. *Cognition and Complexity: The Cognitive Science of Managing Complexity*. Lanham, Md.: Scarecrow Press, 1996; Hirschi N., Frey D. "Cognition and Complexity: An Experiment on the Effect of Coupling in Parameter Design." *Research in Engineering Design* 13.3 (2002): 123–131; Axtell R.L. "What Economic Agents Do: How Cognition and Interaction Lead to Emergence and Complexity." *The Review of Austrian Economics* 20.2-3 (2007): 105–122.

² Процесс образования / формирования пространства. Данный термин не встречается в русскоязычных источниках – в отличие от англо- и франкоязычных, где он используется в указанном смысле. См., напр.: Joutsiniemi A. "Accessibility in Helsinki Metropolitan Region." *AESOP conference at Volos*. 2002. PDF-file. <http://butler.cc.tut.fi/~joutsini/aesop/atj_2002volos.pdf>; Iosifescu Enescu C.M., Montangero J., Hurri L. "Toward Dream Cartography: Mapping Dream Space and Content." *Cartographica: The International Journal for Geographic Information and Geovisualization* 50.4 (2015): 224–237; Diouf A.M. *Medias et identité urbaine: la construction de l'idée de modernité dans les espaces urbains africains à travers la presse: le cas du Sénégal*. Diss. Université Michel de Montaigne-Bordeaux III, 2013. PDF-file. <<https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00913421/document>>; Meunier C. *Quand les albums parlent d'Espace. Espaces et spatialités dans les albums pour enfants*. Diss. Ecole normale supérieure de Lyon-ENS LYON, 2014. PDF-file. <<https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-01127003/file/2014ENSL0964.pdf>>.

фика функционирования транспортной системы Великобритании: политический аспект» кандидата политических наук Е.О. Савченко и А.А. Москалёвой; «Свод научных знаний о Крыме: новая точка отсчета. Непомнящий А.А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). – Симферополь: Антиква, 2015. – 936 с. (Серия: “Библиография крымоведения”; Вып. 25)» доктора исторических наук Ю.М. Мозаричева).

Принципиально важным при таком если и не собственно «психологистском», то очевидно «антипсихологистском» понимании спатиогенеза оказывается именно фактор личности субъекта познания (субъекта когнитогенеза – «М.Ф. Мурьянов и его статья “Золото в лазури”» доктора филологических наук М.И. Чернышевой; «Прогноз землетрясений возможен. (О месте геодезических исследований в решении проблемы прогноза землетрясений). Часть 1. Г.А. Гамбурцев и возможность прогнозирования землетрясений» доктора технических наук А.К. Певнева; «“Этногенез и биосфера Земли”: влияют ли вариации космической погоды на наступление “пассионарных толчков” Л.Н. Гумилева?» доктора физико-математических наук Б.М. Владимирского) – и примечательным представляется то, что на страницах данного выпуска дважды – в двух различных статьях – появляются знаменитые строки Вл. Соловьева: «Природа с красоты своей / Покрова сняты не позволяет, / И ты машинами не вынудишь у ней, / Чего твой дух не угадает [курсив мой – О.Т.]». Примечательным еще и потому, что, как можно видеть, пространствообразующим потенциалом обладает не только когниция, но и пре-когниция (упомянутая статья П.Е. Григорьева и И.В. Васильевой);

б) субъект-субъектные взаимодействия и отношения (отношения к субъекту и с таковым), формирующие поля социального пространства («Особенности взаимоотношений в профессорской коллегии университетов Российской империи: кафедра ботаники Новороссийского университета на рубеже XIX–XX вв.» кандидата биологических наук Е.Ю. Жаровой; «Гуманитарное содействие в рамках Организации Договора о коллективной безопасности: проблемы терминологической и правовой идентификации» докторов юридических наук М.А. Рьльской и К.Е. Сигалова).

Второй уровень (он же первый мета-уровень) спатиогенеза образуют:

а) взаимодействия и отношения по поводу субъект-субъектных отношений, формирующие социальные концепции, теории и институты («К пониманию сущности феномена современного “политического ислама”» доктора философских наук М.М. Аль-Джанани; упомянутая статья М.А. Рьльской и К.Е. Сигалова);

б) взаимодействия и отношения по поводу субъект-объектных и объект-объектных отношений (законов первой природы и закономерностей второй природы), формирующие как когнитивное пространство в целом, так и когнитивную, коммуникативную и институциональную структуру конкретных отраслей науки и междисциплинарные поля взаимодействия этих структур² (упомянутые статьи С.Н. Гринченко и Ю.Л. Щаповой, Б.Е. Большакова, М.И. Чернышевой, А.К. Певнева, Б.М. Владимирского, В.Л. Сывороткина; «Глобальная природоохранная гипотеза, создавшая глобальный кризис в выборе хладагентов. Часть 2» доктора технических наук И.М. Мазурина, кандидата физико-математических наук А.Ф. Королёва, Е.Ф. Уткина и Р.Л. Герасимова; «Стоит ли философии претендовать на место в политическом пространстве?» доктора философских наук С.Б. Рощинского; «Московское общество испытателей природы: 210 лет в истории российской науки» доктора биологических наук А.П. Садчикова). Здесь, говоря о коммуникативной и институциональной структурах науки, не могу не отметить интереснейший, на мой взгляд, феномен формирования в процессе когнитогенеза не просто полей науки и образования, но и подлинного гражданского общества в России конца XIX – начала XX вв. (упомянутые статьи А.П. Садчикова и Ю.А. Мазинга). По-видимому, в том числе и этому эффекту отечественная наука обязана появлению в ней «звезд первой величины» – и, возможно, основанное на всенародном (вопреки и превыше сословных границ, имущественных и прочих цензов) интересе к науке и на всеобщей включенности в когнитивный процесс гражданское общество есть единственная его форма, жизнеспособная в российских условиях.

Нельзя обойти вниманием и тот становящийся очевидным факт, что онтологическое, сущностное начало взаимодействий и отношений, формирующих когнитивное и (взаимо)обусловленное таковым социальное пространство, есть символ, выраженный словом и обретающий свою силу – и связующую, и разъединяющую – в языке³ (упомянутые статьи М.И. Чернышевой, Я.С. Яскевич, Б.Е. Большакова). Сакральная сила символа – слова – языка – того Логоса, который и был в начале, был у Бога и который был Бог (Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ Λόγος, καὶ ὁ Λόγος ἦν πρὸς τὸν Θεόν, καὶ Θεὸς ἦν ὁ Λόγος), – вот то единственное, что не смог деконструировать постмодерн, и что является той (сакральной) основой, на которой зиждется не только его (и любая иная) власть, но и освобождения от нее путем познания.

Сказанное, как представляется, делает объяснимым не только природу и генезис общества научного знания как гражданского общества (упомянутая статья А.П. Садчикова), но и препятствующее его формированию весьма распространенное, особенно в классической педагогической среде, искушение властью –

¹ См.: Сорина Г.В. Методология логико-культурной доминанты: психологизм, антипсихологизм, субъект [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2013. Т. 1. Вып. 2. Режим доступа: <http://j-spacetime.com/actual%20content/t3v2/3204.php>.

² Подробнее о когнитивной, коммуникативной и институциональной структурах науки см.: Гаджиева Ч.С. Гисто- и цитохимия в России на рубеже XIX–XX веков: проблема формирования исследовательской области. Дисс. ... к.биол.н. М., 1990.

³ Здесь, как представляется, функции связей – отношений – выполняют модальности.

искушение подмены *производства* знаний (в процессе научного познания студентом как его субъектом) *воспроизводством* знания (в учебном процессе, где студент оказывается объектом, задача которого лишь успешно воспроизводить/транслировать донесенное до него преподавателем¹, диктующим в этом случае свое собственное видение мира, утверждающим подобным образом собственный «логос», но так и не приобщающим ученика к тому Логосу, о котором свидетельствует апостол Иоанн), а также не менее распространённое заблуждение (коренящееся в кантианстве) относительно того, что именно введение новых *терминов*, а не связующих их в единое (когнитивное) пространство теорий и концепций, способно объяснить мир. Сказанное же делает очевидным и природу третьего уровня производства пространства.

Этот третий уровень (он же второй мета-уровень) спатиогенеза составляют:

а) взаимодействия и отношения по поводу взаимодействий и отношений, формирующих когнитивное пространство в целом и когнитивную, коммуникативную и институциональную структуру конкретных отраслей науки, – *научные парадигмы* (упомянутые статьи С.Н. Гринченко и Ю.Л. Шаповой, И.М. Мазурина с соавторами, В.Л. Сывороткина, «Представления о развитии, воспитании и обучении человека: историко-философский анализ и следствия для психологической науки» доктора психологических наук А.В. Сухарева; «Биологическое время: саморегуляция и управление» доктора биологических наук С.Л. Загускина);

б) взаимодействия и отношения по поводу взаимодействий и отношений, образующих социальные концепции, теории и институты, – *социальные парадигмы, идеологии и религиозные учения* (упомянутые статьи О.Н. Барабанова и М.М. Аль-Джанаби; «Фил и Соф: диалоги о вечном и преходящем. Россия и Европа: борьба за веру» докторов философских наук С.А. Нижникова и А.А. Лагунова)

Именно на этом, третьем уровне спатиогенеза создается всё то, что так жаждет искоренить постмодерн и его политический класс, соблазнившись и соблазняя других лозунгом «Обладайте кратковременными идеями», – преемственность когнитивной и культурной традиции, идеологию, религию, т.е. идеи *долговременные* и *самое время*. И вот уже соблазненные делёзовской ризомой и псевдо-левачевским и псевдо-охранительными русофобией и антиисламизмом А. Глюксманна, – соблазненные превращёнными, т.е. лишёнными необходимой сложности формами познания – платят «альянсом»-поглощением все более разрастающейся ризомой терроризма (упомянутые статьи О.Н. Барабанова и И.И. Антоновича) и *безвременьем*, равно порожденными деспатизацией, разрушением прежних и невозможностью создать новые взаимодействия и отношения ни на одном из уровней производства как социального, так и когнитивного пространств (весьма показательно в этом смысле название одной из рецензий на глюксманновскую «Философию ненависти» – «“Философия ненависти” как неудачная попытка познания»²).

Именно здесь, на третьем уровне спатиогенеза личность его субъекта – не просто субъекта познания, но творца новой парадигмы науки, искусства, социального устройства – сама оказывается *пространство-и-времяобразующим* центром (вспомним Г. Спенсера с его «время измеряется единицами пространства»³ и «время измеряется отношениями» отечественного философа и биоморфолога В.Я. Бровара⁴) – в том смысле, в каком имя творца новой парадигмы становится именем эпохи. Но в этом же смысле и мы, говоря: «пушкинская эпоха», «эпоха Карла Великого, Ньютона» и т.д., читая произведения творцов эпохи и произведения о них, творя собственные тексты, научные теории и социальные практики в рамках этих парадигм и за их пределами, – становимся, каждый на своем уровне спатиогенеза, со-творцами и когнитивного и социального пространств, и социального времени. Времени, возникающего и меняющегося за счет и благодаря нашим действиям, взаимодействиям и отношениям, которыми укрепляются существующие парадигмы и готовится почва для их смены, – и «пространства, то есть отношений» (П. Бурдьё), которое каждый раз реконструируется во всей своей обеспечивающей жизнеспособность сложности, когда мы открываем для себя и других новую страницу мира-книги и читаем новую страницу книги-мира. Особенно когда эта книга – очередной выпуск журнала «Пространство и Время», который держит сейчас в руках вдумчивый и заинтересованный читатель. Выпуск, который откроется перед таким читателем, как только тот перелистнет страницу с подписью главного редактора.

О.Н. Тынянова,
главный редактор

Цитирование по ГОСТ: Р 7.0.11—2011:

Тынянова, О. Н. *Renovatio systematum – renovatio cognitionis*. Спатиогенез: от реконструкции отношений к воссозданию сложности / О.Н. Тынянова // Пространство и Время. — 2015. — № 4(22). — С. 10—14. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271prov_st4-22.2015.01.

¹ На уровне организационно-институциональной структуры науки стремление реализовать власть как сакральную силу символа – слова – языка превращает уже преподавателя в такой же объект / инструмент реализации чиновничьей директивы.

² Бессмертный К.С. «Философия ненависти» как неудачная попытка познания [Электронный ресурс] // Либертарная Мысль. 2009/2010. № 3. С. 39–41. Режим доступа: <http://aitrus.info/sites/default/files/LM-3%20v.2.0.pdf>.

³ Спенсер Г. *Опыты научные, политические и философские*. Т. 2. Классификация наук [Электронный ресурс] // Библиотека «Полки букиниста». Режим доступа: http://society.polbu.ru/spenser_experiencesii/ch01_iii.html.

⁴ Бровар В.Я. *Теория научного знания*. М.: Квартет, 1996. С. 297.